

Д.И. Анучин

**К вопросу о диких лошадях и
об их приручении в России**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Д11

Д11 **Д.И. Анучин**
К вопросу о диких лошадях и об их приручении в России / Д.И. Анучин – М.:
Книга по Требованию, 2016. – 86 с.

ISBN 978-5-4241-5669-4

Журнал Министерства народного просвещения. Часть 306.
По поводу статьи Ф.П.Келлена "К истории тарпана в России".

ISBN 978-5-4241-5669-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

КЪ ВОПРОСУ О ДИКИХЪ ЛОШАДЯХЪ И ОБЪ ИХЪ ПРИ- РУЧЕНИИ ВЪ РОССИИ.

(По поводу статьи Э. П. Кеппена: „Къ исторіи тарпана въ
Россіи,“).

I.

Въ январской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Про-
свѣщенія* за 1896 г., была помѣщена статья Э. П. Кеппена, заклю-
чающая въ себѣ сводъ данныхъ о водившемся ранѣе въ южно-рус-
скихъ степяхъ тарпанѣ и представляющая вообще попытку выяснитьъ
типъ дикой европейской лошади и вопросъ объ ея прирученіи. Соб-
ственно говоря, фактически новаго въ этой статьѣ ничего нѣтъ; ав-
торъ пользовался только литературными источниками (и немногими
устными показаніями), но онъ сопоставилъ ихъ въ значительномъ
числѣ и пришелъ къ известнымъ опредѣленнымъ выводамъ, изложен-
нымъ имъ въ видѣ тезисовъ, долженствующихъ порѣшить съ вопро-
сомъ о тарпанѣ и установить рядъ данныхъ относительно прируче-
нія лошади, особенно въ предѣлахъ Россіи. По отношенію собственно
къ тарпану авторъ, кромѣ болѣе известныхъ данныхъ, опубликован-
ныхъ Гмелинымъ, Палласомъ, Эверсманомъ, Шатиловымъ и Черскимъ,
воспользовался еще нѣкоторыми (впрочемъ второстепенными), раз-
сѣянными въ разныхъ сельско-хозяйственныхъ, провинціальныхъ и
другихъ изданіяхъ, и могъ прослѣдить нѣсколько подробнѣе исторію
исчезновенія въ южной Россіи „дикихъ“ лошадей. Въ своемъ стрем-
леніи къ полнотѣ, авторъ не оставилъ безъ вниманія и второстепен-
ные источники, неспособные дать никакихъ новыхъ указаній, и оста-
навливается на нихъ иногда только для того, чтобы выставить ихъ

яко-бы несостоятельность. Такъ, напримѣръ, онъ посвятилъ цѣлую страницу одному частному письму, посланному мною берлинскому профессору Нерингу, въ отвѣтъ на его запросъ относительно тарпана, и опубликованному имъ потомъ въ его статьѣ объ ископаемыхъ лошадахъ, и сдѣлалъ это только для того, чтобы опровергнуть все показанія этого письма собранными имъ, г. Кеппенемъ, „подробными“ и „точными“ данными. Такъ какъ подобное „опроверженіе“ можетъ произвести на читателя такое впечатлѣніе, что я, намѣренно или по явному незнакомству съ фактами, вводилъ своимъ письмомъ берлинскаго профессора въ заблужденіе по интересовавшему его научному вопросу, то я считаю своимъ долгомъ оправдаться въ этомъ отношеніи и, въ свою очередь, подвергнуть разбору представленное г. Кеппенемъ опроверженіе моихъ показаній.

Прежде всего слѣдуетъ сказать, когда и по какому поводу было написано мною возбуждившее такое вниманіе г. Кеппена письмо. Въ 1883 году, профессоръ Берлинской Сельско-хозяйственной Академіи (Hochschule), А. Нерингъ, обратился ко мнѣ съ просьбою—доставить ему скелетъ тарпана или, по крайней мѣрѣ, его размѣры. Въ отвѣтъ на это желаніе, я написалъ г. Нерингу письмо, въ которомъ сообщилъ о невозможности исполнить его просьбу, такъ какъ, насколько мнѣ было извѣстно, скелета тарпана не имѣлось ни въ Московскомъ, ни въ какомъ-либо другомъ русскомъ музеѣ. Указавъ затѣмъ вкратцѣ тѣ свѣдѣнія, которыя оставили о признакахъ тарпана писатели второй половины XVIII вѣка—Гмелинъ, Рычковъ, Палласъ, я замѣтилъ, что въ показаніяхъ ихъ есть нѣкоторыя противорѣчія; во всякомъ случаѣ, ни одинъ изъ путешественниковъ прошлаго вѣка не доставилъ ни шкуры, ни черепа этого животнаго. Далѣе я указалъ, что въ началѣ 60-хъ годовъ, какъ мнѣ приходилось слышать, одинъ живой экземпляръ тарпана былъ доставленъ въ Москву, въ даръ возникшему незадолго до того Обществу Акклиматизаціи, а отсюда его „остатки“ (какъ выразился я) были отосланы въ Академію Наукъ, гдѣ академики фонъ-Бэръ и Брандтъ признали въ немъ обыкновенную степную лошадь. Съ этого времени,—продолжалъ я,—свѣдѣнія о тарпанѣ прекращаются и, можно сказать, что въ настоящее время (то-есть въ 80-хъ годахъ) никакихъ дикихъ лошадей въ южной Россіи и въ Арало-Каспійскихъ степяхъ не существуетъ. Что въ южной Россіи жила ранѣе дикія лошади, въ пользу этого имѣются нѣкоторыя историческія свидѣтельства, напримѣръ, отъ XII вѣка и позже; но уже въ XVIII вѣкѣ тарпаны, если они и существовали еще,

были уже значительно помѣшаны съ одичалыми домашними лошадьми, и, какъ особый видъ или порода, близки къ вымиранію. Французскіе и нѣмецкіе зоологи все еще говорятъ о тарпанѣ, какъ о существующей дикой расѣ, но это—весьма сомнительно. Повидимому, теперь (то-есть въ 80-хъ годахъ) существуетъ только одна порода дѣйствительно дикой лошади, именно та, которую встрѣтилъ Пржевальскій въ Центральной Азіи, около Лобъ-Нура, или точнѣе, о которой онъ слышалъ отъ туземцевъ. По ихъ показаніямъ, всѣ эти лошади гнѣдья и имѣютъ черную гриву и длинный черный хвостъ. Въ Зайсанскомъ посту Пржевальскій приобрѣлъ шкуру и черепъ одного жеребенка этой породы, которые и были переданы имъ въ послѣдствіи Музею Академіи Наукъ. Чтобы дать проф. Нерингу понятіе объ этой лошади, я послалъ ему отписку статьи объ ней И. С. Полякова, помѣщенной въ „Извѣстіяхъ Географическаго Общества“, за 1881 г. (съ рисункомъ), указавъ при этомъ, что, судя по черепу, описанный экземпляръ еще очень молодой, не способный дать полнаго понятія о типѣ взрослага животнаго. Вотъ и все содержаніе моего письма, которое проф. Нерингъ призналъ на столько любопытнымъ, что привелъ его цѣликомъ въ своей статьѣ: „Fossile Pferde aus deutschen Diluvial-Ablagerungen und ihre Beziehungen zu den lebenden Pferden“, помѣщенной въ „Landwirthschaftlichen Jahrbüchern“, за 1884 годъ, и которое вызвало, 12 лѣтъ спустя, такое старательное опроверженіе, по пунктамъ, со стороны г. Кенпена.

Г. Кенпенъ приводитъ вкратцѣ содержаніе моего письма и попутно опровергаетъ всѣ его показанія. „Профессоръ Анучинъ — замѣчаетъ онъ — начинаетъ съ того, что нѣтъ ни одного скелета тарпана. (Какъ мы видѣли, *впослѣдствіи* описаны И. Д. Черскимъ два такихъ скелета)“. Совершенно вѣрно, что *впослѣдствіи* (именно въ 1891 году), были описаны Черскимъ—не два впрочемъ—а одинъ скелеть, да еще одинъ черепъ, но вѣдь въ 1883 году я не могъ предугадать, что послѣдуетъ такое описаніе, и что окажутся такіе остатки тарпана. „Затѣмъ,—продолжаетъ г. Кенпенъ,—сообщаются (Анучинымъ) нѣкоторыя, хотя очень неполныя, литературныя указанія, ограничивающіяся главнымъ образомъ Гмелинымъ, Палласомъ и Рычковымъ, причѣмъ заявляется о нѣкоторомъ несогласіи въ опредѣленіи масти шерсти. (Мы видѣли, „что, напротивъ того, огромное большинство многочисленныхъ показаній согласно въ томъ, что настоящіе тарпаны имѣли мышастую шерсть)“. Для моея цѣли, въ частномъ письмѣ было достаточно сослаться на показанія такихъ натурали-

стовъ, какъ Гмелинъ и Палласъ, и такого знатока Оренбургскаго края, какъ Рычковъ; ничего существенно новаго не прибавили и послѣдующія описанія (до 1884 года). Что же касается вопроса о „мышастой шерсти“ и о „настоящихъ“ тарпанахъ, то объ этомъ я поговорю подробнѣе ниже. „Далѣе сообщены (въ письмѣ Анучина) не совсѣмъ точныя показанія о тарпанѣ, который былъ уступленъ Московскимъ зоологическимъ садомъ Императорской Академіи Наукъ“. Неточность моя состояла въ томъ, что я выразился „остатки тарпана“, тогда какъ въ дѣйствительности былъ уступленъ живой тарпанъ, „который жилъ тамъ еще нѣсколько лѣтъ“. Въ этой неточности я виновъ; произошла она оттого, что точныхъ свѣдѣній объ этомъ экземплярѣ тарпана мнѣ разыскать тогда не удалось, а по рассказамъ—одни говорили, что онъ былъ отосланъ живымъ, а другіе,—что уже труномъ. Послѣднее мнѣ показалось вѣроятнѣе, потому что,—думалъ я,—гдѣ же Академія могла содержать эту лошадку. Въ дѣйствительности, однако, какъ оказалось потомъ, она была отдана одному изъ академикомъ, который и держалъ ее у себя на дачѣ ¹⁾. Но, во всякомъ случаѣ, экземпляръ этотъ не обратилъ на себя особаго вниманія. Академикъ Брандтъ, въ письмѣ къ одному изъ тогдашнихъ членовъ Общества Акклиматизація, выразилъ свое разочарованіе тѣмъ, что назвалъ присланнаго тарпана „скверной крестьянской лошадежкой“. Печатно имъ было засвидѣтельствовано, что лошадка эта „не обнаруживала ни цвѣта, ни другихъ признаковъ дикихъ породъ лошадей“. Академикъ Вэръ тоже заявилъ (въ засѣданіи 14-го ноября 1869 г. Дерптскаго Общества естествоиспытателей), что „лошадка эта имѣла слѣды бывшихъ подковъ и потому могла считаться недавно вырвавшейся на свободу“ ²⁾. Въ виду такихъ отзывовъ позволительно было усомниться въ томъ, чтобы послѣ смерти этого экземпляра, остатки его, въ видѣ чучела или скелета, были сохранены, тѣмъ болѣе, что о нихъ не упоминаетъ (въ 1881 г.) и Поляковъ въ своей статьѣ о лошади Пржевальскаго (*Equus Przewalskii*), не смотря на то, что для сравненія съ описаннымъ имъ экземпляромъ онъ воспользовался всѣми матерьялами (по дикимъ осламъ и лошадямъ), имѣвшимся въ его время въ Зоологическомъ Музеѣ

¹⁾ По словамъ Радде (*Breith, Thierleben, 2-te Ausgabe, Bd. III, 1880*), лошадь эта была признана одичавшею и подарена одному любителю (?).

²⁾ *Sitzungsberichte der Naturforscher-Gesellschaft zu Dorpat. III Band. Dorpat 1874, S. 34.*

Академіи Наукъ. Только изъ монографіи Черскаго, 1891 года ¹⁾ стало известнымъ, что хранящійся въ академическомъ музеѣ скелетъ крымской лошади есть именно скелетъ тарпана, отъ того экземпляра, который былъ переданъ въ 60-хъ годахъ Академіи Московскимъ зоологическимъ садомъ.—„Затѣмъ—продолжаетъ свои опроверженія г. Кеппенъ,—г. Анучинъ утверждаетъ, что о тарпанахъ, послѣ этого, не было болѣе рѣчи. (Между тѣмъ, въ томъ же самомъ 1884 году, когда было напечатано письмо проф. Анучина, появилось замѣчательное „Сообщеніе о тарпанахъ“ І. Н. Шатилова, которое, по выраженію Черскаго, поставило „пошатнувшійся было вопросъ о тарпанахъ на болѣе реальную почву“. Не могу не обратить вниманія на то обстоятельство, что проф. Анучинъ, повидимому, ничего не зналъ о содержавшемся въ Московскомъ зоологическомъ саду тарпанѣ (Херсонскомъ),—не смотря на то, что онъ самъ, въ то-же самое время, жилъ въ Москвѣ“). Опять долженъ повторить, что письмо мое было написано въ 1883 году и было напечатано Нерингомъ въ его статьѣ, въ 1884 году. Въ то время я никакъ не могъ предугадать, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ г. Шатиловъ доставитъ въ зоологическій садъ новаго тарпана—мерина, прожившаго въ Ново-Воронцовской экономіи, въ неволѣ, 18 лѣтъ, что этотъ экземпляръ будетъ подробно описанъ, а нѣсколько лѣтъ спустя и его черепъ—г. Черскимъ. Опровергать мои показанія послѣдующими фактами довольно странно; слѣдовало бы скорѣе обратить вниманіе на то, что столь обстоятельный натуралистъ, какъ Черскій, тоже признавалъ, что до появленія въ 1884 году „Сообщенія“ г. Шатилова, вопросъ о тарпанѣ былъ „пошатнувшимся“, какимъ считалъ его и я, въ 1883 г. ²⁾. Непонятно также, на какомъ основаніи г. Кеппенъ высказываетъ предположеніе, будто я ничего не зналъ о присланномъ въ 1884 году г. Шатиловымъ тарпанѣ, не смотря на то, что я жилъ тогда самъ въ Москвѣ. Ниже я постараюсь доказать г. Кеппену противное, но все это не имѣетъ отношенія къ моему письму, написанному мѣся-

¹⁾ Черскій. Описаніе коллекціи послѣдтретичныхъ млекопитающихъ животныхъ, собранныхъ Ново-Сибирской экспедиціею 1885—86 гг. С.-Пб., 1891.

²⁾ Кроме того, эта „реальная почва“, по Черскому, состоитъ лишь въ томъ, что „Сообщеніе“ г. Шатилова, „далеко не предрѣшая проблему ихъ (тарпановъ) происхожденія“, убѣждаетъ насъ только въ томъ, „что и въ наше время (1866 г.) въ степныхъ мѣстахъ южной Россіи, попадались странствующіе косяки лошадей (отъ 7 до 9 штукъ), не имѣющихъ хозяевъ, при чемъ по цвѣту шерсти лошади эти бланки къ тарпанамъ въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ описывалъ Гмелинъ“.

цевъ за 8—9 до появленія въ Москвѣ Шатиловскаго тарпана. „Проф. Анучинъ указываетъ далѣе на то, что пространство южной Россіи на столько заселено, что гдѣ-нибудь уцѣлѣвшіе тарпаны не могли бы остаться незамѣченными. (На самомъ дѣлѣ, какъ выше изложено, показанія о существованіи тарпана на Херсонскихъ и Таврическихъ степяхъ повторылись до 70-хъ годовъ текущаго столѣтія)⁴. Какія же показанія о тарпанѣ извѣстны намъ за время съ 1862 года (когда былъ доставленъ въ Московскій зоологическій садъ живой экземпляръ, уступленный въ 1863 году Академіи Наукъ) по 1883 годъ (время написанія моего письма проф. Нерягу), то-есть за періодъ въ 21 годъ? Изъ подробнаго свода извѣстій, приведенныхъ самимъ же г. Кенпеномъ, видно, что за все это время о тарпанахъ появилось только одно показаніе, самого же Кенпена, въ его „Замѣткахъ при поѣздкѣ по Таврической губерніи“, помещенныхъ въ журналѣ *Сельское Хозяйство и Лѣсоводство* за 1865 годъ, да и оно заключалось только въ томъ, что „въ августѣ 1864 года, въ бытность его (г. Кенпена) въ г. Алешкахъ, г. Зеленкевичъ сообщилъ ему, что въ 1861 году онъ видѣлъ еще жеребенка чистой дикой породы въ Князь-Григорьевкѣ, у управляющаго имѣніемъ г. Рахманова⁵. Вотъ и все, яко-бы „повторявшіяся“ показанія!—„Впрочемъ, проф. Анучинъ соглашается съ тѣмъ, что въ прежнія времена (напримѣръ, въ XII-мъ столѣтіи) тарпаны существовали въ южной Россіи, но оспариваетъ продолженіе этого существованія до новѣйшаго времени; по его мнѣнію, если тарпаны еще существовали въ XVIII столѣтіи, то они, въ это время, были уже сильно смѣшаны съ одичалыми лошадьми и, во всякомъ случаѣ, были близки къ вымиранію, въ видѣ особой породы. (Съ этимъ замѣчаніемъ можно согласиться, съ тѣмъ однако же ограниченіемъ, что тарпаны, какъ особая порода, просуществовали еще *слишкомъ* цѣлое столѣтіе)⁴. То-есть какъ-же это „слишкомъ цѣлое столѣтіе“? Послѣ XVIII вѣка прошло покуда 95 лѣтъ, а послѣдній описанный экземпляръ тарпана былъ пойманъ въ 1866 году?!

Свой разборъ моего письма г. Кенпенъ заканчиваетъ слѣдующимъ заключеніемъ: „Изъ прибавленныхъ мною, въ скобкахъ, примѣчаній къ отдѣльнымъ пунктамъ, заключающимся въ письмѣ Д. Г. (?) Анучина, явствуетъ, что почти все его показанія опровергаются выше сообщенными подробными и, по возможности, точными данными объ очень недавнемъ еще существованіи въ южной Россіи тарпановъ, какъ самобытной и самостоятельной породы⁶. Мы видѣли уже въ чемъ заключаются эти опроверженія. Непонятно, какую цѣль имѣлъ г. Кен-

пень, подвергая столь придирчивому разбору частное мое письмо, напечатанное безъ моего вѣдома, 12 лѣтъ тому назадъ, проф. Нерингомъ. Впрочемъ, г. Келпенъ оправдываетъ свою придирчивость ссылкой яко-бы, на мой „авторитетъ“. „Въ виду авторитета этого ученаго, я считаю долгомъ остановиться на показаніяхъ и соображеніяхъ его, высказанныхъ въ письмѣ профессору А. Нерингу“. Остановиться затѣмъ, чтобы опровергнуть, чтобы уничтожить, очевидно мнимый „авторитетъ“? Чтожъ, и это имѣло бы нѣкоторое основаніе, если бы дѣло шло о какомъ нибудь дѣйствительномъ авторитетѣ и если бы для этого было избрано другое средство, чѣмъ опроверженіе фактами, получившими извѣстность лишь впоследствии...

Странно однако, что ссылаясь на мой „авторитетъ“ и подвергая такому придирчивому разбору написанное мною, 12 лѣтъ тому назадъ, частное письмо, г. Келпенъ, совершенно умалчалъ о моей специальной работѣ: „Къ древнѣйшей исторіи домашнихъ животныхъ въ Россіи“,—работѣ, напечатанной въ 1886 году, то-есть, два года спустя послѣ опубликованія моего письма, и въ которой я, на девяти страницахъ in 4°, говорю и о древнѣйшей исторіи лошади въ Европѣ и Россіи ¹⁾. Повидимому, статья эта осталась совершенно неизвѣстною г. Келпену, что довольно странно, судя по тому, какъ онъ старался о подборѣ всѣхъ относящихся къ интересующему его вопросу источниковъ. Въ виду очевиднаго не знакомства г. Келпена съ специальною литературой по древнѣйшей исторіи домашнихъ животныхъ въ Россіи, я позволю себѣ сказать нѣсколько словъ объ указанномъ трудѣ.

Вопросомъ о происхожденіи домашнихъ животныхъ я началъ интересоваться еще въ 70-хъ годахъ, ознакомившись съ изслѣдованіями Рютимейера, Натюзіуса, Леттелейса, Сансона и другихъ по этому предмету, но у меня не было собственнаго матеріала, изъ Россіи, для того, чтобы заняться этимъ вопросомъ самостоятельно. Въ 1879 году, во время бывшей тогда въ Москвѣ Антропологической выставки, проф. А. А. Иностранцевъ предложилъ мнѣ принять на себя описаніе остатковъ рода *Canis*, найденныхъ въ торфяномъ слоѣ при прорытіи новаго Сясьскаго канала. Здѣсь, при земляныхъ работахъ было добыто значительное количество животныхъ и человѣческихъ костей, а также различныя издѣлія изъ камня, кости и рога, относящіяся, очевидно,

¹⁾ Д. Н. Амунимъ. Къ древнѣйшей исторіи домашнихъ животныхъ въ Россіи, 34 стр. in 4°, съ таблицей (фотогравіей), въ „Трудахъ VI Археологическаго Съѣзда, въ Одессѣ“, гл. I. 1886.

къ эпохѣ каменнаго вѣка. Благодаря настояніямъ проф. Иностранцева, всѣ эти остатки собирались производителями работъ и были потомъ переданы ему для Геологическаго музея С.-Петербургскаго университета. Получивъ возможность издать описаніе всѣхъ этихъ остатковъ, проф. Иностранцевъ принялъ на себя собственно геологическую часть и изученіе человѣческихъ издѣлій, а описаніе костей было предоставлено имъ другимъ лицамъ. На мою долю достались, какъ сказано, остатки рода *Canis*, то-есть, кости собаки, волка и лисы. Особенное вниманіе обратилъ я на первыя, въ числѣ коихъ имѣлось три болѣе или менѣе полныхъ собачьихъ черепа. Я сравнилъ эти остатки (при помощи измѣреній) съ добытыми изъ свайныхъ построекъ и другихъ отложений каменнаго и бронзоваго вѣковъ въ Западной Европѣ и описанными Рютимейеромъ, Леттелейсомъ, Вольдджрихомъ, Штудеромъ и другими, а также—съ черепами различныхъ породъ собакъ и волка, имѣвшимися въ Московскомъ музеѣ. Въ результатѣ этой работы явилась довольно большая статья (26 стр. in 4°)¹⁾, въ которой мною были установлены для каменнаго вѣка Приладожья двѣ породы домашней собаки, одна болѣе мелкая, соответствующая „торфяной собакѣ“ (*Torfhund*, *Canis palustris*) швейцарскихъ свайныхъ построекъ каменнаго вѣка, и другая болѣе крупная, подходящая по размѣрамъ отчасти къ описанной Леттелейсомъ *Canis matris optimaе*, отчасти къ изученной Вольдджрихомъ *Canis intermedius*²⁾. Первую породу я назвалъ *Canis palustris ladogensis*, вторую—*Canis fam. Inostranzewi*. Остатковъ другихъ домашнихъ животныхъ въ коллекціи костей, собранныхъ проф. Иностранцевымъ, не оказалось, такъ что собака была, очевидно, единственнымъ домашнимъ животнымъ на сѣверѣ Россіи въ указанную отдаленную эпоху каменнаго вѣка. Въ то же время описанные черепа являлись и древнѣйшими извѣстными остатками вообще домашнихъ животныхъ въ предѣлахъ Россіи и представляли поэтому существенный интересъ для первобытной исторіи прирученныхъ породъ въ Восточной Европѣ, откуда ранѣе моей статьи не было извѣстно ничего по данному вопросу. Этимъ

¹⁾ *Дружизн.* „Собака, волкъ и лиса“, глава въ книгѣ проф. Иностранцева „Доисторическій человѣкъ каменнаго вѣка побережья Ладожскаго озера“. С.-Пб. 1882, in 4°, стр. 55—81, съ 2 таблицами (фотогравіями).

²⁾ Означенныя формы были установлены въ трудахъ: *Rüttimeyer's*, *Fauna der Pfahlbauten*, *Jettelais*, въ „Mittheilungen der anthr. Ges. in Wien“, 1872, *Woldrich*, *Ueber einen Haushund des Bronzezeit etc.* въ „Mitth. d. anthr. Ges. in Wien“, Bd. VII, 1877.

объясняется, почему моя статья обратила на себя нѣкоторое вниманіе на западѣ, и данными ея воспользовались потомъ Штудеръ, Вольд-жрихъ, Вилькенсъ и другіе, при своихъ дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ въ той же области ¹⁾.

Интересуясь вопросомъ о расахъ древнѣйшихъ домашнихъ животныхъ въ Россіи, я искалъ остатковъ ихъ и среди костей изъ другихъ отложеній каменнаго и металлическаго вѣковъ, напримѣръ, изъ извѣстной стоянки у села Волосова близъ Муромъ, также изъ пермскихъ „костищъ“, нѣкоторыхъ кургановъ и т. д., но долго находилъ лишь весьма скудный матеріалъ. Только въ 1884 году мнѣ удалось получить почти полный скелетъ собаки, найденный извѣстнымъ изслѣдователемъ Волосовской стоянки, П. П. Кудрявцевымъ, въ самомъ низу культурнаго слоя, на глубинѣ около 1½ аршина, въ перушенной еще толщѣ и почти непосредственно надъ слоемъ бѣлаго песка, однимъ словомъ, при условіяхъ, не позволяющихъ сомнѣваться въ его принадлежности каменному вѣку. По своимъ размѣрамъ собака эта оказалась сходною съ „торфяною“ и особенно съ мелкою породой Приладожья, представляя лишь нѣкоторыя отклоненія въ подробностяхъ. Объ этой находкѣ я сдѣлалъ сообщеніе на VI археологическомъ съѣздѣ въ Одессѣ (въ 1884 году), которое и было развито затѣмъ мною въ статьѣ, помѣщенной въ I томѣ „Трудовъ“ этого съѣзда (вышедшемъ въ 1886 году). Кромѣ вопроса о древнѣйшихъ породахъ собаки въ Россіи, я коснулся въ этой работѣ и первобытныхъ породъ другихъ домашнихъ животныхъ, въ томъ числѣ и лошади. По отношенію къ послѣдней, я указалъ на многія находки лошадиныхъ костей (дикой лошади) въ постпліоценовыхъ отложеніяхъ Западной Европы и Россіи и привелъ рядъ свидѣтельствъ о существованіи дикихъ лошадей и въ историческую эпоху, съ VIII по XVI вѣкъ, а въ Россіи и въ теченіе всего XVIII вѣка и даже позже. Затѣмъ, сообщивъ о двухъ живыхъ экземплярахъ тарпана, доставленныхъ въ Москву, въ 1862 и въ 1884 годахъ, я поставилъ вопросъ—былъ ли

¹⁾ Studer. Die Thierwelt in den Pfahlbauten des Bielersee's, въ „Mitth. d. Bern. Naturforsch. Ges.“ 1883; ero же „Zwei grosse Hunderassen aus der Steinzeit“ etc., тамъ же, 1893; Woldrich, Zur Frage über die Abstammung der europ. Hunderassen, Anzeiger d. K. K. Akad. d. Wiss. 1886; Wilkens, Die vorgeschichtlichen und Pfahlbau-Hunde. Biologisches Centralblatt, Bd. VI, 1886—87. Штудеръ повторилъ, напримѣръ, во второй своей работѣ (стр. 87): „Das im Osten, am Ladogasee in jener Zeit (Steinzeit) eine kleine Palustris Form und eine grosse Form, Canis f. Inostranzewi Anutsch. existirte, wissen wir aus den Arbeiten von Anutschin“.

тарпанъ дикой или одичавшей лошадыю. „Спрашивается — представляет ли этотъ тарпанъ прямого потомка той дикой лошади, которая водилась въ Европѣ въ доисторическую и раннюю историческую эпоху, или же его слѣдуетъ считать потомкомъ одичавшихъ домашнихъ лошадей въ родѣ тѣхъ, какія встрѣчались, напримѣръ, въ историческую эпоху въ Америкѣ. Гмелинъ считалъ тарпановъ, очевидно, дикимъ видомъ; напротивъ того, Палласъ склонился къ мнѣнію, что это потомки одичавшихъ лошадей, принадлежавшихъ калмыкамъ, киргизамъ и другимъ кочевникамъ. Изъ новѣйшихъ натуралистовъ, А. Вагнеръ, Фитцингеръ, М. Н. Богдановъ и И. С. Поляковъ раздѣляютъ мнѣніе Палласа, тогда какъ Эккеръ видитъ въ тарпанѣ типичнаго представителя дикихъ лошадей, какія водились въ Западной Европѣ въ доисторическую эпоху. Рѣшить окончательно этотъ вопросъ довольно трудно, такъ какъ нѣкоторыя данныя, напримѣръ мышастый цвѣтъ съ чернымъ ремнемъ на спишѣ и отсутствіе каштанчиковъ или мозолей на заднихъ ногахъ (у экземпляра Московскаго зоологическаго сада), — говорятъ болѣе въ пользу типичности тарпана, какъ особой дикой расы, — тогда какъ другія, напримѣръ, нѣкоторыя указанія Рычкова и Палласа, факты дѣйствительнаго одичанія лошадей въ степяхъ Америки и т. д. наводятъ скорѣе на мысль, что мы имѣемъ въ тарпанахъ потомковъ одичавшихъ домашнихъ лошадей. Генъ склоняется къ мнѣнію, что и всѣ другія дикія лошади, о которыхъ упоминается въ историческихъ свидѣтельствахъ, были собственно не дикія, а одичавшія, и подкрѣпляетъ свое мнѣніе соображеніями, которымъ нельзя отказать въ извѣстной вѣроятности. Настоящая дикая лошадь, повидному, водится еще только въ Средней Азіи, около озера Лобъ-Нора, гдѣ о ней слышалъ Пржевальскій* и т. д. Изъ этой выдержки видно, что въ противность предположенію г. Кеппена, — я одновременно ознакомился съ экземпляромъ тарпана, доставленнымъ въ 1884 году, въ Московскій зоологическій садъ, І. Н. Шатиловымъ, и принялъ во вниманіе результаты его осмотра и описанія.

Затѣмъ, въ указанной моеи статьѣ, я перехожу къ обзору древнѣйшихъ слѣдовъ домашней лошади въ Европѣ. Слѣды эти „становятся вполнѣ явственными только въ отложеніяхъ бронзоваго періода, когда лошадь одновременно служила и для питанія, и для работы. Такъ можно заключить по даннымъ, представляемымъ свайными постройками, въ которыхъ кости лошади ббльшей частью также расколоты, какъ и кости другихъ дикихъ животныхъ, но въ которыхъ